

© 2017 г.

С.П. ГЛИНКИНА, Н.В. КУЛИКОВА

КАКОЙ КАПИТАЛИЗМ ПОСТРОЕН В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Глинкина Светлана Павловна — доктор экономических наук, научный руководитель направления «Международные экономические и политические исследования» Института экономики РАН (Москва, Россия).

Куликова Наталья Владимировна — кандидат географических наук, руководитель Центра восточноевропейских исследований Института экономики РАН (Москва, Россия).

О МОДЕЛЯХ КАПИТАЛИЗМА

Более четверти века общественно-экономические трансформации в постсоциалистическом мире находились в центре внимания мировой общественности, анализировались и дискутировались в научных кругах. По этому вопросу неоднократно выступали и авторы данной статьи.

Многое было исследовано авторами уже в первое десятилетие системных реформ, в частности, осуществленная в постсоциалистических странах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) либерализация хозяйственной деятельности, созданный новый институциональный каркас экономики и общества, произошедшая кардинальная смена отношений собственности¹. Самое пристальное внимание было уделено изучению роли Европейского союза в развернувшихся преобразованиях², социально-экономическим последствиям трансформации³ и значению иностранного капитала в модернизации и развитии экономики

---

¹ Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 3. Трансформации 90-х годов, в 2-х ч. (Отв. ред. С.П. Глинкина). М., 2002; Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX — начале XXI века. Т. 1. Преобразования. (Отв. ред. С.П. Глинкина, И.И Орлик). М., 2005.

² Страны Центральной и Восточной Европы на пути в Европейский союз. (Отв. ред. Н.В. Куликова). М., 2002; Страны Центральной и Восточной Европы — новые члены Европейского союза: проблемы адаптации. (Отв. ред. С.П. Глинкина, Н.В. Куликова). М., 2010; *Глинкина С.П., Куликова Н.В.* Глобальный кризис и его особенности в новых странах — членах ЕС. — Новая и новейшая история, 2010, № 2.

³ Центральная и Юго-Восточная Европа — 2007: трансформации и развитие. (Отв. ред. Н.В. Куликова). М., 2009; Центральная и Восточная Европа: уроки мирового кризиса. (Под ред. Н.В. Куликовой). СПб., 2011; *Куликова Н.* Уроки мирового кризиса в Восточной Европе. — Свободная мысль, 2011, № 7—8; *Глинкина С.П., Куликова Н.В.* О модели современной трансформации и результатах социально-экономического развития в Центрально-Восточной Европе. — Социально-политическое развитие России и Польши на современном этапе. М., 2015; *их же.* Неоднозначные социально-экономические результаты общественной трансформации и евроинтеграции в странах Центрально-Восточной Европы. — Императивы сотрудничества в турбулентном мире. М., 2016; *их же.* Трансформация в странах Центрально-Восточной Европы: ожидания и реалии. — Труды Вольного экономического общества России, т. 201. М., 2016.

стран ЦВЕ⁴. В ряде работ мы высказали свою позицию относительно критериев завершенности переходного периода, подчеркивая, что сам процесс трансформации считаем многоуровневым, не только социально-экономическим и политическим, но и геополитическим⁵. Без учета последнего аспекта едва ли вообще можно что-то понять в происходящем.

Не утихают споры вокруг оценки результатов трансформации, в связи с чем чрезвычайно актуальной для российского обществоведения становится исследование моделей капитализма, возникших в постсоциалистическом мире по итогам системных реформ.

Для многих исследователей сама постановка вопроса о разнообразии моделей капитализма оказывается неожиданной, хотя большинство из них интуитивно понимают, что капитализм африканских и североамериканских государств, скандинавских стран или азиатских принципиально различается. В головах исследователей рождается «спасительная» идея о существовании «развитого» и «неразвитого» капитализма. При этом, похоже, имеется в виду, что есть какой-то эталонный капитализм, до которого еще не доросли те или иные страны.

Выдвигая гипотезу о том, что по итогам постсоциалистических трансформаций возникли новые, отличные от существующих в западных обществах модели капитализма, мы еще до начала изложения фактов и аргументов в поддержку этого утверждения хотели бы остановиться на двух принципиально важных проблемах: 1) анализе различных точек зрения на категорию «капитализм»; 2) исследовании научных подходов к разнообразию моделей капитализма, получивших развитие в рамках современной компаративистики.

Занимаясь долгие годы проблемами развития социалистических, а с начала 1990-х годов постсоциалистических стран, мы можем констатировать факт существования в социалистическом мире целого ряда особых социально-экономических моделей. Для этого достаточно вспомнить венгерский социализм конца 1960-х – 1980-х годов либо югославский самоуправленческий социализм, для экономических моделей которых было характерным творческое соединение плана и рынка, а для общественного развития – демократизация практически всех сфер жизни. По идеологическим соображениям в СССР в те годы этот интересный в теоретическом и практическом плане опыт либо замалчивался, либо объявлялся проявлением ревизионизма. В итоге для многих ученых, политиков и рядовых граждан социалистических (и не только) государств он остался неизвестным либо искаженным, а в «усредненном» виде социалистический период развития представляется монотонно серым. Все это позволило видному российскому ученому Ю.Я. Ольсевичу констатировать: «Сама исходная база начавшегося перехода от госсocialизма к рыночному капитализму оказалась слабо изученной, и о реальной конструкции разрушенного здания приходится теперь судить по отдельным блокам и балкам, хаотически загромоздившим фундамент неформальных институтов»⁶. Таким образом, с пониманием исходной точки трансформации дела в российском обществоведении (не говоря уже о западном) обстоят не лучшим образом.

---

⁴ Прямые иностранные инвестиции в европейских странах с переходной экономикой. (Под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой, Н.В. Фейт). М., 2006; *Куликова Н.В., Фейт Н.В.* Прямые иностранные инвестиции в странах Центральной и Восточной Европы. – Мир перемен, 2007, № 1; *Kulikova N.V., Lobanov M.M.* The role of FDI in the economic modernization of Central and Eastern European EU member states: View from Russia. – Development potentials of foreign direct investment: International experiences. Belgrade, 2011.

⁵ См., например: *Глинкина С.П.* Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций. М., 2007.

⁶ *Ольсевич Ю.Я.* Влияние хозяйственных реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада. М., 2007, с. 6.

Ну а что же относительно однозначности толкования категории «капитализм» — точки, в которую по замыслу реформаторов первой волны мы должны были попасть по итогам кардинальных преобразований экономики и общества?

Видимо, не всем известно, что не К. Маркс изобрел понятие «капитализм», что он в своем основополагающем труде «Капитал» лишь дважды использовал это понятие. При этом Р. Пассов в 1918 г. в книге «Капитализм» насчитывает уже 111 различных значений и словосочетаний с понятием «капитализм»⁷, объясняя этот факт высокой степенью неопределенности самого понятия.

Впервые понятие «капитализм» получило распространение в печатной среде Германии, Франции и России в качестве политического лозунга и антонима понятию «социализм». В основном оно использовалось как «ругательный» термин, несущий негативную эмоциональную нагрузку и применяемый в качестве «боевого» понятия в политических дебатах социалистов, консерваторов и либералов⁸.

Нейтральное толкование понятия «капитализм» используется немецким и австрийским экономистом и социологом А. Шеффле в качестве синонима понятия «либерализм». С 1870 г. такая трактовка получила широкое распространение в интеллектуальной среде.

Положительное значение понятие «капитализм» приобрело в работах В. Зомбарта и М. Вебера, которые раскрыли понятие «дух» капитализма⁹, предполагающее упорядоченность/стандартизированность образа жизни и рационализацию повседневности.

В настоящее время существует два основных подхода в осмыслении капитализма как феномена экономики и общественной жизни.

Один марксистский, оперирующий главным образом понятием «капиталистический способ производства» и объясняющий его через категории «прибавочная стоимость», «самовозрастающая функция капитала», «антагонизм классов», «буржуазия», «рабочий класс» и др. Постепенно марксистское понятие «капиталистический способ производства» вытесняется понятием «капитализм». Другой — либеральный, базирующийся на идеях А. Шеффле о капитализме как либерально-индивидуалистической системе, а также на научных разработках представителей немецкой исторической школы в связи с обоснованием ими понятий «государство», «кооперация», «рациональность», «дух», «свобода».

Таким образом, в научной литературе наличествует многообразие и многозначность трактовок понятия «капитализм». В ряде научных изданий мы можем столкнуться с утверждением, согласно которому «капитализм является одновременно неясным и неточным понятием: его содержание довольно расплывчато; класс стран, которые без колебаний можно назвать капиталистическими, не имеет четко очерченной границы»¹⁰. По мнению Г. Явлинского, капитализм — это экономическая абстракция, в которой выделены характерные черты экономики на определенном этапе ее развития и при этом отброшены менее значимые¹¹. Действительно, ведь реальная экономика конкретных стран никогда не основывается только на частной собственности и не предоставляет полной свободы предпринимательству. Всегда в той или иной мере присутствуют теоретически несвойственные капитализму черты: сословные привилегии; государственная собственность; ограничения на владение имуществом;

⁷ *Passov R.* Kapitalismus. Jena, 1927, S. 136.

⁸ *Hilger M.-T.* Kapital, Kapitalist, Kapitalismus. — *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexicon zur politisch-socialen Sprache in Deutschland.* Stuttgart, 1982, S. 442–454.

⁹ Подробнее об этом см.: *Наумова Е.И.* Культурфилософская рефлексия капитализма: концептуальные константы и дискурсивные практики. Автореферат канд. дисс. СПб., 2016.

¹⁰ *Философия. Энциклопедический словарь.* М., 2004, с. 28.

¹¹ *Явлинский Г.* Какую экономику и какое общество мы собираемся построить и как этого добиться? (Экономическая политика и долгосрочная стратегия модернизации страны). — *Вопросы экономики*, 2004, № 4, с. 4.

таможенные барьеры; антимонопольное право и т.п. Одна часть из этих черт является наследием предыдущих эпох, другая — следствием развития самого капитализма.

Впервые о существовании различных типов рыночно-капиталистического хозяйства как научно обоснованном факте заговорили после выхода в свет монографии Э. Шонфилда¹², идеи которого популяризировал М. Альбер в работе «Капитализм против капитализма»¹³. Исследуя кардинально различающиеся в США и Германии элементы хозяйственной системы¹⁴, авторы выделяют две основные модели капитализма: американскую и рейнскую. Первая основана на индивидуалистической идеологии, ведущей роли рынка, дифференциации доходов, особой роли биржи в функционировании финансовой системы, максимизации прибыли в краткосрочной перспективе. Вторая предусматривает большее участие государства в регулировании экономики, высокий уровень социальной защищенности граждан, сдерживание дифференциации заработных плат и доходов. При этом М. Альбер считал, что рейнская модель, будучи социально более справедливой, может быть и экономически более эффективной.

Представители получившей распространение во Франции в середине 1970-х годов теории регуляции выделяют четыре основных типа капитализма: рыночный (США, Великобритания), корпоративный (Япония), социал-демократический (Швеция, Австрия) и стейтгистский (Франция)¹⁵. Данная теория уходит своими корнями в марксистскую политическую экономию, идеи кейнсианства, а также ряд неомарксистских и постмарксистских подходов. Она исходит из положения о том, что экономические закономерности предопределяются совокупностью общественных отношений.

Американские экономисты П. Холл и Д. Соскиц выделяют два базовых типа капитализма — либеральная рыночная экономика (ЛРЭ — *liberal market economy*) и координируемая рыночная экономика (КРЭ — *coordinated market economy*)¹⁶. По их мнению, для выделения особой модели капитализма необходимо выполнение трех условий: 1) наличие альтернативного экономического механизма координации, тесно связанного с 2) относительно стабильным набором комплементарных институтов, 3) что обеспечивает специфические сравнительные преимущества и лучший экономический сценарий развития по сравнению с другими социально-экономическими типами.

В рамках либеральной модели рыночной экономики основным механизмом, координирующим деятельность хозяйствующих субъектов, является рынок. В координируемой рыночной экономике важную роль играют разнообразные нерыночные механизмы: межфирменные и внутрифирменные деловые сети, национальные и секторальные бизнес-ассоциации, профсоюзы и пр. Наличие господствующего механизма координации не отменяет действия в конкретной экономике иных его видов. Так, в КРЭ неизменно присутствуют в качестве механизмов координации рынок и рыночные контракты, а в ЛРЭ не исключена практика согласований на уровне отраслевых и межотраслевых ассоциаций.

Авторы определяют специфический набор комплементарных институтов¹⁷, способных объяснить значительные различия в инновационных моделях развития стран,

¹² *Shonfield A. Modern Capitalism. Oxford, 1965.*

¹³ *Альбер М. Капитализм против капитализма. СПб., 1998.*

¹⁴ Были исследованы подходы к иммиграции, бедности, соотношению между системой социальной защиты и экономическим развитием, дифференциации заработной платы, роль предприятия в образовании и профессиональном обучении работников, различия в целеполагании налоговых систем, выбор между большим регулированием с ростом числа чиновников для его осуществления и меньшим регулированием с большим числом адвокатов для ведения судебных дел, соотношение между банками и биржами и т.д.

¹⁵ *Boyer R. How and Why Capitalisms Differ. — Max Planck Institute for the Study of Societies, Working Paper, 2005, № 4.*

¹⁶ *Hall P., Soskice D. An Introduction to Varieties of Capitalism. — Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford, 2001.*

¹⁷ Среди них — корпоративное управление, основные источники финансирования инвестиций, отношения между трудом и капиталом, система подготовки кадров и механизмы трансфера инноваций в рамках экономики.

и вводят понятие «институциональная комплементарность» для описания взаимозависимости институтов, их взаимоподдерживающего и взаимоусиливающего влияния. П. Холл и Д. Соскис демонстрируют, как специфические конфигурации институтов формируют облик хозяйственных систем, и приходят к выводу о существовании «сравнительных институциональных преимуществ» у каждой из выделенных моделей: комплементарные по отношению друг к другу институты дают фирмам определенные преимущества в одних видах деятельности и ограничивают в других.

Таблица 1

Базовые разновидности капитализма

Основные институты	Либеральная рыночная экономика	Координированная рыночная экономика
Отличительный механизм координации	Конкурентные рынки и формальные контракты.	Такие нерыночные формы координации, как внутри- и межфирменные сети и национальные и секторальные ассоциации.
Основные механизмы привлечения инвестиций	Международный рынок капитала.	Система национального банковского кредитования и национальные фонды.
Корпоративное управление	Аутсайдерская модель, основанная главным образом на использовании внешних по отношению к акционерному обществу, или рыночных, механизмов корпоративного контроля.	Инсайдерская модель, базирующаяся преимущественно на использовании внутренних методов корпоративного контроля, или методов самоконтроля.
Отношения между предпринимателями и работниками, трудом и капиталом	Рыночные — случаи заключения коллективных договоров редки.	Корпоративные, как правило, консенсусные, секторальные или даже национальные соглашения.
Система образования и формирования трудовых навыков	Формирование общепрофессиональных навыков, высокие затраты на исследования и разработки.	Формирование специфических (отраслевых и внутрифирменных) навыков.
Трансферт инноваций	Базируется на рынках и формальных контрактах.	Большую роль играют совместные предприятия и бизнес-ассоциации.
Сравнительные преимущества	Радикальные инновации в технологиях и сфере услуг.	Постоянное последовательное совершенствование производственных процессов, обновление средств производства на основе инноваций.

Источник: *Hall P., Soskice D.* Op. cit.; *Nölke A., Vliegenthart A.* Enlarging the Varieties of Capitalism. The Emergence of Dependent Market Economies in East Central Europe. — *World Politics*, 2009, № 61, p. 680.

Таким образом, анализ показывает наличие в рамках капитализма различных моделей. В таком случае лозунг о переходе от плана к рынку как содержанию трансформационного процесса мало что объясняет (рынок рынку рознь, капитализм одного типа отличается от капитализма иного типа), и, следовательно, особую актуальность приобретает исследование вопроса о том, какой капитализм сложился в постсоциалистических странах по итогам трансформации. При этом нельзя не видеть, что

разработанный П. Холлом и Д. Соскисом методологический подход позволяет анализировать лишь ограниченную часть производственных отношений и институтов современного капиталистического общества, что, безусловно, снижает возможности стереоскопического видения современных реалий. Вместе с тем и такого (узкого) подхода достаточно для того, чтобы понять: попытка идентифицировать типы капитализма в постсоциалистическом мире в категориях двух основных моделей — либеральной и координируемой рыночной экономики — ошибочна; развитый западный капитализм не универсален, а уникален¹⁸, он является результатом исторических особенностей развития конкретных государств, о чем убедительно писал М. Альбер.

О СПЕЦИФИКЕ КАПИТАЛИЗМА В ЕВРОПЕЙСКИХ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Особый случай представляет собой модель капитализма, сложившаяся по итогам общественно-экономической трансформации в бывших социалистических странах ЦВЕ — новых членах Европейского союза. Практика строительства капитализма в европейских постсоциалистических странах представляет повышенный интерес для России по причине общности исходной точки трансформации — именно эти страны входили в социалистический период в один экономический и военно-политический союз с Россией и развивались, за не многими исключениями, в рамках одинаковой с российской экономической модели.

Исследования результатов трансформации в странах ЦВЕ, проведенные на основе разработанного П. Холлом и Д. Соскисом методологического подхода, дают противоречивые результаты. Так, одни исследователи находят сходство между этими странами и либеральными рыночными экономиками¹⁹, другие делают выводы о движении этих стран в сторону координируемой рыночной экономики²⁰, в то время как третьи констатируют появление в них гибридного типа капитализма, объединяющего черты двух основных моделей²¹. При этом упускаются из виду принципиальные особенности развития стран ЦВЕ в постсоциалистический период, которые позволяют нам говорить о сложившейся в этих странах особой модели капитализма, не укладывающейся в традиционную типологию.

Специфику этой модели предопределила цель вступления в Европейский союз, поставленная странами ЦВЕ после свершившихся на рубеже 1980-х и 1990-х годов «бархатной революции»²². В конкретных исторических условиях (крушение мировой социалистической системы и распад Советского Союза, который в течение многих лет выступал ключевым политическим союзником и главным торгово-экономическим партнером стран региона) этот выбор был практически неизбежным. С членством в ЕС страны ЦВЕ связывали надежды на модернизацию экономики, ускорение экономического роста и, в конечном счете, на ликвидацию отставания от Западной

¹⁸ *Huntington S.* West is unique, and not so universal. — *Foreign Affairs*, 1996, April 8.

¹⁹ *Cernat L.* Institutions and Economic Growth: Which Model of Capitalism for Central and Eastern Europe? — *Journal for Institutional Innovation, Development, and Transition*, 2002, № 6; *Crowley S.* Explaining Labor Weakness in Postcommunist Europe: Historical Legacies and Comparative Perspective. — *East European Politics and Societies*, 2004, № 3 (August).

²⁰ *McMenamin I.* Varieties of Capitalist Democracy: What Difference Does East-Central Europe Make? — *Journal of Public Policy*, 2004, № 3 (December); *Lane D.* Emerging Varieties of Capitalism in Former State Socialist Societies. — *Competition and Change*, 2005, № 3 (September).

²¹ *Palda K.* Czech Privatization and Corporate Governance. — *Communist and Postcommunist Studies*, 1997, v. 30, issue 1; *Neumann S., Egan M.* Between German and Anglo-Saxon Capitalism: The Czech Financial, Markets in Transition. — *New Political Economy*, 1999, 4(2); *Iankova E.* Eastern European Capitalism in the Making. Cambridge, 2002.

²² В ЕС вступили 11 европейских постсоциалистических стран: Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Эстония — в 2004 г., Болгария и Румыния — в 2007 г., Хорватия — в 2013 г.

Европы по уровню благосостояния и качеству жизни. Достичь этого предполагалось посредством экономической интеграции с западноевропейскими странами и при финансовой поддержке из фондов ЕС.

Курс стран ЦВЕ на евроинтеграцию полностью отвечал геостратегическим целям Европейского союза²³. Однако в качестве условия включения этих стран в свой состав ЕС выдвинул приведение их политических, экономических и правовых систем в соответствие со своими нормами и правилами. Это условие было официально оформлено на заседании Европейского совета в Копенгагене в июне 1993 г., где одновременно с принятием политического решения о возможности приема стран ЦВЕ в ЕС были установлены критерии готовности стран-претендентов к членству. Эти условия, получившие название «Копенгагенские критерии», требовали наличия в странах, во-первых, стабильных институтов, гарантирующих демократию, верховенство закона, соблюдение прав человека, уважение и защиту меньшинств; во-вторых, функционирующей рыночной экономики, а также способности справляться с конкурентным давлением и рыночными силами в рамках союза; в-третьих, способности принять на себя все обязательства, связанные с членством в ЕС, включая приверженность целям политического, экономического и валютного союза. Соответствие этим требованиям предполагало имплементацию в национальное законодательство и эффективное исполнение странами-кандидатами так называемых «*acquis communautaire*» — совокупности наработанных за всю историю европейской интеграции положений, принципов, политических целей и юридических норм, зафиксированных в договорах ЕС и других его документах.

Для подготовки стран ЦВЕ к началу переговоров о приеме в ЕС его руководящие органы разрабатывали программы, регламентировавшие содержание и сроки конкретных реформ, оказывали финансовую поддержку в их проведении и осуществляли жесткий контроль над процессом реформирования с применением мер принуждения. В ходе переговорного процесса, официально открытого в конце 1990-х — начале 2000-х годов²⁴ и проходившего исключительно на двусторонней основе, проводился анализ соответствия конкретных стран Копенгагенским критериям и их прогресса в сближении национального законодательства с законодательством ЕС. Полное выполнение политических критериев соответствия статусу члена Евросоюза выдвигалось в качестве обязательного условия принятия той или иной страны. В отношении экономических критериев был применен иной подход: наличие рыночной экономики страны должны были обеспечить до вступления в ЕС, тогда как способность противостоять конкурентному давлению на едином европейском рынке могла формироваться и позже, уже во время членства в союзе.

Переговоры велись отдельно по каждому из трех с лишним десятков разделов правовых норм ЕС — от свободного передвижения товаров, предоставления услуг (включая финансовые), движения капитала и передвижения людей до акционерного права, политики в области конкуренции, сельскохозяйственной, промышленной, энергетической и транспортной политики, экономической и денежно-кредитной политики,

---

²³ ЕС стал разрабатывать стратегию втягивания стран ЦВЕ в сферу своего влияния еще до смены в них общественно-экономического строя. О необходимости установления более тесных связей с этими странами говорилось уже на сессии Европейского совета на острове Родео в 1988 г. и на Парижском саммите «Большой семерки» (G-7) в 1989 г. После краха СССР и коммунистических режимов в Восточной Европе реальные действия Евросоюза в отношении стран ЦВЕ (налаживание активного политического диалога, финансовая помощь по программе PHARE, включение в поле деятельности Европейского банка реконструкции и развития, введение специального преференциального режима торговли, заключение двусторонних соглашений об ассоциации) были нацелены именно на их присоединение.

²⁴ Переговоры о приеме в ЕС были официально открыты с Венгрией, Польшей, Чехией, Словенией и Эстонией в 1998 г., со Словакией, Латвией, Литвой, Болгарией и Румынией в 2000 г., с Хорватией в 2005 г.

социальной политики, политики в области науки, образования и культуры, информационной политики, сотрудничества в области юстиции и внутренних дел, политики защиты окружающей среды, ветеринарных и фитосанитарных норм, региональной политики, а также политики внешних связей, общей внешней политики и политики безопасности²⁵.

Содержание переговорных разделов не подлежало обсуждению, интеграционное ядро диктовало свои правила и требовало их неукоснительного соблюдения. В отдельных случаях вступающим странам были лишь даны отсрочки от применения наиболее проблемных для них норм ЕС. Также были установлены временные исключения для Евросоюза в вопросе распространения на новых членов общих правил, в частности в области свободного передвижения людей и поддержки сельского хозяйства²⁶.

В итоге переход от тоталитарного политического режима к демократии и от централизованно управляемой плановой экономики к рыночной был совершен в странах ЦВЕ путем переноса на национальную почву в полном объеме институтов демократии и либеральной рыночной экономики, существующих в ЕС. Анализ этой модели общественно-экономической трансформации было посвящено множество зарубежных и отечественных научных исследований²⁷. Тем не менее от ученых все еще не получен однозначный ответ на ключевой вопрос: может ли копирование плохо функционирующими экономиками институтов, существующих в развитых западных странах, обеспечить формирование в этих экономиках модели капитализма, аналогичной модели этих стран, и достижение равного с ними уровня благосостояния? В поисках ответа на этот вопрос необходимо учитывать следующие важные моменты.

Институциональная адаптация, которую осуществили страны ЦВЕ, выполняя условия присоединения к ЕС, привела их демократические, экономические, правовые институты и институты гражданского общества в соответствие с более высокими европейскими стандартами. В некоторых эмпирических исследованиях обнаруживаются свидетельства того, что совершенствование институтов дает мультипликативный эффект: умелое управление, власть закона, политическая стабильность и низкий уровень коррупции приносят долгосрочные дивиденды в плане экономического роста и таким образом косвенно влияют на качество жизни граждан²⁸. Однако этот эффект институциональных реформ столь мал, что с трудом поддается статистическому измерению.

Вместе с тем очевидно, что существовавшая в ЕС нормативная база далеко не во всех отношениях была оптимальной для стран ЦВЕ, значительно уступающих западноевропейским странам по уровню развития. Принятие и имплементация правовых норм ЕС порой оборачивались для этих стран источником серьезных структурных, экономических и социальных проблем. Так, хозяйствующие субъекты новых стран-членов понесли ущерб из-за открытия процедуры размещения государственных заказов для фирм из стран Евросоюза. Серьезными потерями обернулся перевод систем стандартизации на европейские нормы, который производился в рамках экологических, санитарных и коммуникационных программ ЕС. Страны ЦВЕ были

---

²⁵ Куликова Н.В., Сеницина И.С. Национальные и наднациональные компетенции в процессе расширения Европейского союза на восток. — Опыт наднационального регулирования в региональных интеграционных группировках. (Отв. ред. С.П. Глинкина). М., 2015, с. 72–74.

²⁶ Там же, с. 75.

²⁷ Об этом подробнее см.: Глинкина С., Куликова Н. К вопросу об эффективности трансформации общественной системы в странах Центрально-Восточной Европы. — Мир перемен, 2015, № 4, с. 9–10.

²⁸ См., например: Hall R.E., Jones C.I. Why Do Some Countries Produce So Much More Output per Worker than Others? — Quarterly Journal of Economics, 1999, v. 114, № 1; Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. — NBER Working Paper, № 10481, 2004; Eichler T.S., Schreiber T. Structural policies and growth: Time series evidence from a natural experiment. — Journal of Development Economics, 2010, № 91.

вынуждены под давлением Евросоюза закрыть энергетические программы, базировавшиеся на использовании атомных электростанций советского производства. Многие предприятия пищевой отрасли, особенно по переработке животноводческой продукции, пришлось закрыть ввиду несоответствия европейским санитарно-гигиеническим нормам²⁹. Прекратили работу промышленные предприятия, нарушавшие принятые в ЕС нормы выбросов в атмосферу. Немалых затрат потребовала замена авиапарка, городского автопарка, военной техники и др. Под давлением Европейской комиссии страны ЦВЕ были вынуждены пересмотреть условия приватизации и предпринимательской деятельности для иностранцев (в частности, при покупке земли и вывозе капиталов), зачастую во вред национальной экономике.

Несмотря на проделанную ныне принятыми в ЕС странами ЦВЕ работу по адаптации европейских правовых норм, в рамках Евросоюза пока так и не удалось создать однородное институциональное пространство. Используемые в мировой практике индексы, в частности рассчитываемый Всемирным банком в ежегодном исследовании «Ведение бизнеса» показатель удаленности от передового рубежа, свидетельствуют о сохраняющемся значительном отставании новых членов ЕС от более развитых его стран по качеству институциональной среды. Особенно велико это отставание по показателям налогообложения, обеспечения выполнения контрактов, разрешения проблем неплатежеспособности, защиты миноритарных акционеров³⁰. Не лучшим образом обстоит дело и с неформальными институтами. Согласно индексу восприятия коррупции³¹, который ежегодно рассчитывается для различных стран мира международной организацией Transparency International, ее уровень остается в странах ЦВЕ значительно выше, чем в Западной Европе. Самые серьезные проблемы с коррупцией испытывают Румыния, Болгария и Словакия. Присутствие в этой тройке Словакии — страны с развитой демократией, высокой открытостью экономики, сравнительно высоким в последние полтора десятилетия экономическим ростом и достойным на фоне других стран ЦВЕ душевым объемом ВВП — дает повод сомневаться в верности утверждений о том, что уровень коррупции снижается по мере преодоления бедности, увеличения открытости экономики и повышения зрелости демократических институтов³².

Таким образом, результаты институциональных реформ в странах ЦВЕ оказались далекими от ожидаемых, несмотря на то, что программы этих реформ разрабатывались руководящими органами ЕС и для их реализации Евросоюз оказывал техническую и финансовую помощь. Проведенные преобразования не обеспечили появления в странах ЦВЕ либерального рыночного капитализма, модель которого они пытались скопировать. Не могло здесь возникнуть и координируемого рыночного капитализма в силу захвата экономики иностранными, в основном западноевропейскими, компаниями после снятия в соответствии с правилами ЕС всех ограничений на их деятельность на территории стран ЦВЕ. Неокрепший к моменту их вступления в ЕС национальный сектор экономики оказался не в состоянии противостоять наплыву иностранных товаров и натиску иностранного капитала.

Модель экономики, сложившаяся в постсоциалистических странах Европы, исследователи называют по-разному (интеграционная, филиальная и др.), но наиболее точно ее суть передает введенное в научный оборот определение «зависимая рыночная экономика»³³ или «зависимый капитализм». В отличие от либеральной рыночной

---

²⁹ Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. М., 2014, с. 15–16.

³⁰ Глинкина С., Куликова Н. Евроинтеграционная модель постсоциалистической трансформации стран Центрально-Восточной Европы и их экономическая динамика. — Российский экономический журнал, 2016, № 4, с. 39.

³¹ Показатель, отражающий оценку уровня коррупции аналитиками и предпринимателями.

³² Глинкина С., Куликова Н. Евроинтеграционная модель..., с. 39–40.

³³ Nolke A., Vliegenthart A. Op. cit.

экономики, где в качестве центрального механизма координации выступают конкурентные рынки и контракты, и в отличие от координируемой рыночной экономики, где эту роль выполняют внутри- и межфирменные сети и ассоциации, в случае зависимой рыночной экономики (капитализма) центральным механизмом координации являются иерархии в рамках транснациональных корпораций (ТНК)³⁴. Основной чертой стран с данным типом капитализма является фундаментальная зависимость экономического развития от решений ТНК об инвестициях в их экономику. Такой структурный элемент капиталистической экономики, как корпоративное управление, в случае зависимого капитализма реализуется штаб-квартирами ТНК. При этом как центральный институт модели он полностью комплементарен с другими ее элементами.

Первая, наиболее очевидная, связь существует между корпоративным управлением и основными источниками инвестиций. Все страны ЦВЕ, кроме Словении, уже в 1990-х годах обогнали ЕС по объему притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) относительно ВВП³⁵. Объем накопленных ПИИ в новых членах Евросоюза в 2015 г. достиг, по данным ЮНКТАД (Конференции ООН по торговле и развитию), 664 млрд долл. США, что в пересчете на душу населения в два раза больше, чем в среднем в мире. Предприятия под иностранным контролем обеспечивают в них, по данным Евростата, в среднем более одной пятой занятости и создают свыше трети валовой добавленной стоимости в нефинансовом частном секторе. В силу отсутствия у правительств возможности проводить селективную ПИИ-политику (противоречащую правилам ЕС) подавляющая часть ПИИ в странах ЦВЕ пришлась не на совместные предприятия, а на филиалы ТНК, которые контролируются и финансируются из штаб-квартир³⁶. Филиалы не пренебрегают и международным рынком капиталов, а также кредитами местных банков (большинство которых в странах ЦВЕ являются дочками иностранных финансовых институтов³⁷), однако основным источником финансирования остаются ПИИ.

Вторая тесная взаимосвязь существует между институтами корпоративного управления, источниками инвестиций и системой отношений между трудом и капиталом. Учитывая жесткую международную конкуренцию за ПИИ, правительства принимающих стран вынуждены идти на создание максимально привлекательной среды для иностранных инвесторов³⁸, и ТНК оказываются в исключительно благоприятных условиях для выстраивания особых отношений между трудом и капиталом. С одной стороны, ТНК заинтересованы в том, чтобы работники филиалов были удовлетворены своим положением, поскольку филиалы объединены в производственные цепи, и недовольство работников в каких-то звеньях может негативно сказаться на производственном результате в целом. С другой — ТНК нуждаются в низких затратах на труд и, следовательно, для них неприемлемо наличие в странах своей экспансии таких

---

³⁴ Ibidem; *Schneider B.R.* Comparing Capitalisms: Liberal, Coordinated, Network and Hierarchical Varieties. — Copy: Northwestern University, 2008, March.

³⁵ *Глинкина С.П., Куликова Н.В., Сеницина И.С.* Указ. соч., с. 31–35.

³⁶ *Hall P., Gingerich D.* Varieties of Capitalism and Institutional Complementarities in the Macroeconomy An Empirical Analysis. Discussion Paper. — Max Planck Institute for the Study of Societies, Cologne, 2004, May; *Hopner M.* What Connects Industrial Relations and Corporate Governance? Explaining Institutional Complementarity. — *Socio-Economic Review*, 2005, № 2, May; *Глинкина С., Куликова Н.* Трансформация и ее социально-экономические эффекты в Центральной и Восточной Европе. — *Белорусский экономический журнал*, 2013, № 3.

³⁷ Иностранные банки, главным образом западноевропейские, контролируют около 80% всех банковских активов в регионе, а в Словакии, Чехии и Эстонии — от 90 до почти 100%. Единственной страной, сохранившей основную часть (около 70%) активов банковской системы в собственности национального частного и государственного капитала, оказалась Словения. — *Глинкина С.П., Куликова Н.В., Сеницина И.С.* Указ. соч., с. 35.

³⁸ Там же, с. 39–41; *Глинкина С.П., Куликова Н.В.* Заимствование рыночных институтов развитых стран: опыт Центрально-Восточной Европы. — *Современная Европа*, 2015, № 4, с. 109.

институтов, как всеобъемлющие коллективные соглашения, а также ограничений свободы работодателей в вопросах найма и увольнения работников³⁹. При этом позиции трудовых коллективов филиалов ТНК, профсоюзов и гражданского общества в странах зависимого капитализма не настолько сильны, чтобы они могли требовать заключения генеральных соглашений по вопросам труда в рамках страны. В результате доминируют селективные соглашения на уровне компаний, что соответствует интересам ТНК⁴⁰.

Третья зависимость возникает между институтами корпоративного управления, источниками инвестиций и механизмами развития инноваций. ТНК предпочитают оставлять инновационные виды деятельности в странах своего базирования, либо приобретать инновации в странах либеральной рыночной экономики, либо создавать их на совместных предприятиях с производителями стран координируемой рыночной экономики⁴¹. Зависимые рыночные экономики используют в основном для размещения сборочных производств или производств несложных, полустандартизированных промышленных товаров. В связи с этим у ТНК нет необходимости тратить большие средства на научно-исследовательскую деятельность в странах зависимого рыночного капитализма, как это происходит в либеральных рыночных экономиках, или осуществлять характерную для координируемых рыночных экономик профессиональную подготовку кадров, формирующую специфические знания и навыки⁴². Кроме того, ТНК осуществляют трансфер технологий в свои филиалы в странах с зависимой рыночной экономикой без каких-либо рисков их дальнейшего распространения («утечки»), которые возникают, например, в случае создания совместных предприятий⁴³.

Описанная комплементарность институтов обеспечивает странам зависимого капитализма специфические сравнительные преимущества, которые базируются не на радикальных технологических инновациях, характерных для стран либерального рыночного капитализма, и не на постоянных и постепенных инновациях в организации труда и совершенствовании средств производства, свойственных координируемой рыночной экономике, а являются следствием комбинации низких затрат на труд и достаточно высоких профессиональных навыков рабочей силы. Такая комбинация делает страны зависимого капитализма привлекательными для организации транснациональными корпорациями на их территории производств со средним уровнем технологий, которые остаются под контролем корпоративных иерархий⁴⁴. Наиболее инновативные части производственных цепочек ТНК оставляют в странах своего базирования.

УСПЕХИ И ПРОБЛЕМЫ ЗАВИСИМОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ СТРАН ЦВЕ

Вопрос о том, насколько благоприятным для постсоциалистических стран является попадание в число государств зависимого рыночного капитализма, остается дискуссионным. По мнению А. Нёлке и А. Флигентхарта, оно обеспечивает определенные перспективы: благодаря чрезвычайно привлекательным условиям для иностранных инвесторов (низкие налоги за счет невысоких государственных расходов на социальные нужды, относительно дешевая рабочая сила при ее высокой квалификации),

³⁹ Глинкина С.П., Куликова Н.В., Сеницина И.С. Указ. соч., с. 30.

⁴⁰ Глинкина С.П. Итоги трансформации, или к вопросу о разнообразии моделей капитализма. Серия «Доклады Международной академии организационных наук». М., 2016, с. 22.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, с. 23.

⁴³ Глинкина С., Куликова Н. Трансформация и ее социально-экономические эффекты..., с. 9–10; Глинкина С.П., Куликова Н.В., Сеницина И.С. Указ. соч., с. 39–41.

⁴⁴ Глинкина С.П. Итоги трансформации, или к вопросу о разнообразии..., с. 23.

страны могут успешно конкурировать за ПИИ на мировом рынке⁴⁵ и развиваться на их основе.

Действительно, страны ЦВЕ определенное время служили примером достаточно успешного развития. С начала 2000-х годов и вплоть до возникновения мирового финансово-экономического кризиса они входили в число наиболее динамично развивавшихся стран мира, постепенно сокращая свое экономическое отставание от стран Западной Европы (табл. 2). Повысился средний технологический уровень производства, выросла доля добавленной стоимости в валовом выпуске товаров и услуг, от половины до трех четвертей прироста регионального валового продукта обеспечивалось за счет повышения общей факторной производительности, прежде всего – производительности труда⁴⁶. При этом уровень безработицы, резко возросший в ходе трансформационных реформ 1990-х годов, снижались. Впечатляющий рост показал товарный экспорт, причем в его объеме уменьшилась доля традиционных трудоемких изделий (одежды, мебели и пр.) и возросла доля капиталоемкой машиностроительной продукции, а в некоторых странах (особенно в Венгрии, Чехии, Эстонии) и доля высокотехнологичных товаров.

Таблица 2

Динамика реального ВВП стран ЦВЕ

Страны	Объем ВВП в 2016 г.	
	в % к 1999 г.	в % к 2008 г.
Болгария	177	107
Венгрия	141	104
Латвия	192	103
Литва	194	105
Польша	181	127
Румыния	184	108
Словакия	188	115
Словения	142	98
Хорватия	133	92
Чехия	156	107
Эстония	185	106
<i>Для сравнения: ЕС-15*</i>	125	103

* 15 стран, входивших в ЕС до его расширения на восток.

Источник: расчеты по данным Eurostat Database.

Своими успехами страны ЦВЕ были во многом обязаны обильному притоку ПИИ, гарантированному спросу на продукцию экспортных секторов экономики, созданных в основном западноевропейскими ТНК, а также кредитной экспансии западноевропейских банков. Однако нельзя не видеть негативную сторону такой модели развития,

⁴⁵ *Nolke A., Vliegenthart A.* Op. cit.

⁴⁶ *Куликова Н.В.* Социально-экономические эффекты интеграции стран ЦВЕ в Европейский союз. – Евроинтеграция: влияние на экономическое развитие Центральной и Восточной Европы. (Отв. ред. А.И. Бажан). М., 2014, с. 31.

во многих отношениях ослабляющую с виду успешные экономики, а также серьезных рисков, с которыми сталкиваются страны, попадающие в разряд стран зависимого рыночного капитализма. Приведем лишь некоторые примеры.

Динамичный экономический рост в странах ЦВЕ не имел под собой достаточной здоровой основы. Уровень национальных сбережений был почти во всех странах низким, и наращивание инвестиций происходило за счет частных внешних заимствований. Рост личного потребления, стимулировавший закупки импортных товаров иностранными торговыми сетями, подогревался щедрым кредитованием населения дочками западноевропейских банков, в значительной степени (а в некоторых странах – в основном) за счет внешних финансовых источников. И первое, и второе вело к стремительному росту валового внешнего долга. Его суммарный объем в странах ЦВЕ увеличился, по данным Европейского банка реконструкции и развития, со 187 млрд долл. в 2000 г. до 924 млрд долл. в 2008 г., т.е. в пять раз за девять лет!⁴⁷ Особенно высоким был рост задолженности Латвии, Эстонии и Румынии (в девять раз), а также Литвы, Словении и Венгрии (в шесть–семь раз). Мировой финансовый кризис вызвал падение внутреннего спроса и вслед за этим импорта, в результате чего объем частных заимствований за границей уменьшился. Однако валовый внешний долг, по данным Евростата, в большинстве стран ЦВЕ продолжил расти (особенно быстро в Польше, Словакии и Чехии), так как более активно прибегать к внешним займам стали правительства. В Латвии, Венгрии и Словении внешний долг существенно превысил объем ВВП, что создает угрозу устойчивому развитию экономики.

Эту угрозу усиливают хронические дефициты государственных бюджетов стран ЦВЕ, ведущие к неуклонному росту валового государственного долга. Его объем относительно ВВП в Венгрии, Словении и Хорватии существенно превышает 60%, допустимые Маастрихтскими критериями финансовой стабильности. Это ограничивает возможности правительств в решении важных хозяйственных задач и развитии социальной сферы. Тот факт, что страны ЦВЕ даже в годы динамичного экономического роста испытывают проблемы с наполняемостью государственных бюджетов, в значительной степени объясняется низкими (в полтора–два раза ниже, чем, например, в Германии⁴⁸) ставками корпоративного налога, установленными ради привлечения иностранных инвесторов, а также предоставлением им различного рода льгот, преференций и даже прямой финансовой поддержки в форме субсидий⁴⁹. Кроме того, не стоит забывать, что ТНК владеют технологиями такой организации транснациональных финансовых потоков, которая позволяет уменьшать платежи в бюджеты принимающих стран, что было отмечено еще в теории интернализации Р. Баккли и Д. Кассона (1976 г.).

Рост в странах ЦВЕ факторной производительности и добавленной стоимости был в основном не результатом улучшения качественных характеристик существовавших производств, а следствием «раздувания» в экономике финансового сектора и сектора платных услуг при одновременном сворачивании традиционных видов экономической деятельности. В условиях полной свободы передвижения товаров и движения капиталов в границах ЕС многие аграрные хозяйства и промышленные предприятия под натиском иностранных конкурентов сократили выпуск продукции либо были вообще ликвидированы⁵⁰. Из некоторых сегментов экономики ТНК, пользуясь своими

⁴⁷ <http://www.ebrd.com/pages/research/economics/data/macro.shtml#macro>

⁴⁸ Глинкина С., Куликова Н. Евроинтеграционная модель..., с. 46.

⁴⁹ Куликова Н., Фейт Н. Политика стран Центральной и Юго-Восточной Европы в отношении прямых иностранных инвестиций. – Проблемы теории и практики управления, 2006, № 1; Куликова Н.В. Роль прямых иностранных инвестиций в модернизации экономики стран ЦВЕ – членов ЕС. – *Urbi et orbi*. Т. 3 Россия в глобальном мире. (Отв. ред. С.П. Глинкина). СПб., 2014, с. 450–455.

⁵⁰ Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2014–2015 гг. (Отв. ред. И.И. Орлик). М., 2016, с. 32–33.

монополистическими преимуществами и правительственными льготами, полностью вытеснили отечественных производителей⁵¹.

Впечатляющий рост экспорта стран ЦВЕ был обеспечен в основном за счет встраивания филиалов ТНК в вертикальные цепи поставок. Речь идет не о классическом экспорте, а о внутрифирменном обмене. Что касается собственных предприятий стран ЦВЕ, то лишь немногие из них смогли выйти со своей продукцией на западноевропейские рынки⁵². В этих условиях экспортом в значительной степени движет добавленная стоимость, поступившая из-за границы, а не созданная в странах – на иностранную составляющую приходится от трети до более чем половины стоимости экспорта стран ЦВЕ⁵³. При этом ТНК сосредоточили основную часть экспортных мощностей в узком круге отраслей (транспортное и общее машиностроение, производство электротехнического, электронного и оптического оборудования⁵⁴) и перенаправили подавляющую часть экспорта на рынок Евросоюза, сделав экономику стран ЦВЕ глубоко зависимой от колебаний его конъюнктуры.

Наличие большого числа слабо связанных с остальной экономикой филиалов ТНК мало что дало странам ЦВЕ в плане технологической модернизации экономики. Первая причина заключается в том, что ТНК перенесли в эти страны относительно простые, не содержащие ноу-хау стадии производственных циклов, вторая – в почти полном отсутствии так называемой диффузии технологий даже среднего уровня за пределы филиалов ТНК. В то же время расчет на чужие технологии отвлек внимание стран ЦВЕ от развития собственной научно-технической базы. По данным Евростата, объем расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы относительно ВВП в этих странах значительно меньше, нежели в странах либеральной рыночной экономики, как и доля занятых в этой сфере, несмотря на высокий уровень образования населения. Это ведет к слабости инновационного потенциала, которая проявляется, среди прочего, в малом числе изобретений. В результате в странах ЦВЕ возник феномен дуализма экономики, т.е. произошел ее распад на две практически не связанных между собой части: низкодходную, слабоконкурентоспособную «национальную» и более эффективную, экспортоориентированную «иностранную»⁵⁵. Такая ситуация консервирует, а в долгосрочной перспективе может даже увеличить технологическое отставание, а значит и отставание в экономическом росте, от стран, активно развивающих науку и создающих инновации⁵⁶.

Наконец, о снижении уровня безработицы. Во многих странах ЦВЕ оно было связано не столько с ростом числа занятых, сколько с сокращением численности новых поколений трудоспособного населения из-за падения рождаемости, а также с эмиграцией в Западную Европу, значительно возросшую после распространения Евросоюзом на новых членов принципа свободного передвижения людей в его границах. В результате этой свободы Румыния, Хорватия и Латвия из-за отъезда граждан в другие страны ЕС фактически лишились от 14 до 11% своего трудоспособного населения, Литва, Болгария и Польша – от 8 до 6%⁵⁷. Многие из покинувших свои страны имеют высокий уровень профессионального образования, но занимаются в эмиграции неквалифицированным трудом. Часть уехавших через непродолжительный срок возвращаются на родину, но большинство становятся долговременными эмигрантами.

⁵¹ Куликова Н.В. Роль прямых иностранных инвестиций..., с. 474.

⁵² Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2014–2015 гг., с. 32–33.

⁵³ *Rahman J., Zhao T.* Export Performance in Europe: What Do We Know from Supply Links? – IMF Working Paper, WP/13/62, March 2013, p. 6–7.

⁵⁴ Модернизация в странах российского пояса соседства: структурный и технологический аспекты. (Отв. ред. С.П. Глинкина). М. – СПб., 2012, с. 26–29.

⁵⁵ Куликова Н. Опыты модернизации в странах ЦВЕ. – Свободная мысль, 2009, № 6, с. 58.

⁵⁶ Куликова Н.В. Роль прямых иностранных инвестиций..., с. 494.

⁵⁷ EU Employment and Social Situation. Quarterly Review. Supplement June 2014: Recent trends in the geographical mobility of workers in the EU. Luxembourg, 2014, p. 5.

Отток рабочей силы обеднил трудовые ресурсы стран ЦВЕ, а во многих случаях послужил важной, если не главной, причиной интенсивной депопуляции. За период с 1990 г. по 2015 г. численность населения прибалтийских стран, Болгарии, Румынии и Хорватии уменьшилась, по данным Евростата, на 12–25%. Неуклонно сокращается также население двух центральноевропейских стран – Венгрии и Польши. В итоге общая численность населения в странах ЦВЕ – членах ЕС уменьшилась на 7,623 млн человек, или почти на 7%. Это можно расценивать как реализацию свободы передвижения людей, а можно как свидетельство того, что по итогам трансформации и евроинтеграции Центрально-Восточная Европа не стала более привлекательной для жизни.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЗАВИСИМЫЙ РЫНОЧНЫЙ КАПИТАЛИЗМ В СТРАНАХ ЦВЕ

Страны ЦВЕ сталкиваются с серьезными вызовами из-за критической важности высокого уровня притока иностранного капитала для поддержания роста своей экономики. Риски начали просматриваться уже в середине 2000-х годов, когда страны стали постепенно утрачивать свои конкурентные преимущества из-за завершения льготного для ТНК процесса приватизации государственных активов и роста производственных затрат, в частности на рабочую силу.

В полной мере проблемы проявились с началом мирового финансово-экономического кризиса, когда денег на мировом рынке стало меньше, они стали для заемщиков дороже, а спрос на товарных рынках резко упал. Объем притока ПИИ в страны ЦВЕ сократился сразу в 2,3 раза, а иностранные банки практически перестали выдавать новые кредиты, которые ранее обеспечивали значительную часть экономического роста. В результате Центрально-Восточная Европа пережила более глубокую экономическую рецессию, чем большинство других регионов мира. Прибалтийские страны в 2009 г. потеряли по 14–15% своего ВВП, в большинстве других стран ВВП сократился на 3–8% (небольшой рост, менее чем на 3%, сохранила только польская экономика, наименее интегрированная в рынок ЕС). Уровень безработицы подскочил к 2010 г., по данным Евростата, в прибалтийских странах и Словакии до 15–20%, в остальных странах – до 7–12%. Реальные доходы населения в большинстве стран существенно снизились.

От повторения такого сценария страны ЦВЕ не застрахованы и в более спокойные периоды развития мировой экономики, так как сравнительные преимущества зависимой рыночной экономики уже в недалеком будущем могут быть ими утрачены ввиду появления аналогичных (или даже лучших) условий для деятельности ТНК в других странах, в частности Северо-Восточной и Южной Азии⁵⁸.

Осознание негативных сторон зависимого рыночного капитализма и связанных с ними рисков для экономического и социального развития стало постепенно менять отношение стран ЦВЕ к избранной четверть века назад модели экономики. В ряде из них начинает набирать силу «экономический патриотизм» как реакция на господствовавший в течение десятилетий экономический либерализм. Наиболее ярким примером служит Венгрия – в прошлом лидер Центрально-Восточной Европы по привлечению ПИИ⁵⁹. Руководство страны разработало и уже несколько лет реализует новую экономическую политику, направленную на поддержку отечественных товаропроизводителей, ограничение роли иностранного капитала в ряде отраслей экономики и увеличение финансового бремени для филиалов ТНК⁶⁰. Правительство исходит из

⁵⁸ Глинкина С.П. Итоги трансформации, или к вопросу о разнообразии.... с. 25.

⁵⁹ Доля предприятий с иностранным участием в производстве ВВП Венгрии уже к началу 2000-х годов достигла 50%, намного превысив признанный в мировой практике безопасным уровень в 30%.

⁶⁰ Подробнее об этом см.: Волотов О.Г., Волотов С.О. Членство Венгрии в Евросоюзе: утраченные иллюзии. – Россия и современный мир, 2015, № 4.

того, что национальная независимость в мирное время базируется на независимости в области энергетики, финансов и торговли.

В 2012 г. председатель правительства В. Орбан поставил задачу повысить долю отечественного капитала в банковском секторе страны до 50%, т.е. более чем в два с половиной раза⁶¹. Задача была решена после того как правительство в конце 2014 г. выкупило банк «Будапешт» у американской финансово-промышленной группы GE. При этом подчеркивалось, что банковское дело должно быть национальным, поскольку не может быть и речи о независимости страны без национальной кредитно-денежной системы⁶².

В 2010 г. был введен особый «антикризисный» налог в трех отраслях — энергетике, телекоммуникациях и крупной розничной торговле, где обосновались в основном иностранные компании. Повысился так называемый банковский налог — до уровня в 5–10 раз выше, чем в других странах ЕС. В. Орбан, обосновывая эти налоговые нововведения, прямо заявлял, что бремя кризиса в основном легло на плечи венгерских налогоплательщиков, теперь же будет справедливо, если больше тягот возьмут на себя те, кто смог извлечь из страны сверхприбыли, т.е. транснациональный капитал⁶³.

* * *

Мировой экономический кризис стал серьезной проверкой на устойчивость экономик отдельных стран и всей мировой экономической системы. «Конец истории», провозглашенный Фукуямой, не настал. Устоявшиеся, казалось бы, порядок и структуры управления мировой экономикой пошатнулись. Страны, включая бывшие социалистические, оказались перед лицом вызовов, которые заставили усомниться в непреложности господствовавших на протяжении трех десятилетий принципов экономического либерализма, легшего в основу американской модели глобализации, а также рецептов «Вашингтонского консенсуса», по которым была осуществлена общественно-экономическая трансформация в европейских постсоциалистических странах.

Модель зависимого капитализма, в основе которой лежит господство транснациональных корпораций, требующих снятия любых ограничений на свободное движение всех факторов производства, оказывается под ударом. При этом у стран, развивающихся в рамках этой модели, нет реальных ресурсов для проведения самостоятельной политики в парадигме «экономического патриотизма» ввиду слабости национальных элит и отсутствия достаточных капиталов.

Дополнительным вызовом для стран ЦВЕ стал экономический и институциональный кризис в Европейском союзе, ставящий под вопрос эффективность их «европоцентричного» развития. Сталкиваясь с нарастающей внешней и внутренней энтропией, эти страны вынуждены искать новые возможности для экономического и социального прогресса, которые позволили бы им преодолеть свою нынешнюю «периферийность».

---

⁶¹ Nepszabadsag, 2012. 17 julius.

⁶² Nepszabadsag, 2014. 3 december.

⁶³ www.mti.hu. 2010. 18 oktober.